

УДК 81'42

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/15

КОНЦЕПТ «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА» В ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ОБЫДЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

И.В. Тубалова

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Россия, 634050, Томск, ул. Ленина, 36
E-mail: tina09@inbox.ru
SPIN-код: 8530-2711

Авторское резюме

В статье рассматривается специфика использования в личностно-ориентированных дискурсивных практиках обыденного человека речевых форм репрезентации концепта *Великая Отечественная война*, заданных в советском политическом дискурсе. Исследование выполнено в рамках социолингвистического подхода. На его основании советский политический дискурс рассматривается как коммуникативная сфера институционального взаимодействия субъектов, формирующая особую дискурсивную картину мира, ценностно ориентированную на основании интенции борьбы за власть. Национально-культурно значимый концепт *Великая Отечественная война* репрезентируется в нем в особых речевых формах. Личностно-ориентированный дискурс рассматривается как сфера внеинституционального взаимодействия обыденного человека, использующего эти речевые формы на основании опыта участия в советском политическом дискурсе, обладающем для него внешним социальным авторитетом. Ценностная позиция советского политического дискурса закрепляет в рассматриваемых речевых формах повышенный эмоциональный пафос, аксиологически ориентированный против общего врага. В личностно-ориентированных дискурсах он становится основанием для активного использования этих речевых форм обыденным человеком, реализующим интенции не только легитимации институционально значимого содержания, повышения статуса собственного речевого произведения, но и личностной эмоциональной сублимации. В отличие от речевых форм, заданных советским политическим дискурсом при репрезентации других политически значимых концептов, рассматриваемые речевые формы всегда используются обыденным человеком при сохранении оценочной позиции источни-

ка: политический дискурс в формировании личностной позиции обыденного человека на речевом уровне доминирует.

Ключевые слова: концепт «Великая Отечественная война», советский политический дискурс, личностно-ориентированный дискурс, дискурсивная картина мира.

The concept “Great Patriotic War” in the person-centered discursive practices of the ordinary person

I.V. Tubalova

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: tina09@inbox.ru

Abstract

The article describes speech forms that verbalize The Great Patriotic War concept set in the Soviet political discourse. It analyzes the specific use of these forms in the person-centered discursive practice of the ordinary person. The study employs the sociolinguistic approach. On its basis the Soviet political discourse is seen as a communicative sphere of institutional interaction of subjects. The sphere forms a special discursive world picture, value-oriented on the intentions of the struggle for power. The concept of the Great Patriotic War is nationally and culturally significant. It is expressed in specific forms of speech. Person-centered discourse is seen as a sphere of extra-institutional interaction of ordinary people. They use these forms of speech on the basis of their experience with the Soviet political discourse, which is an outside social authority for them. In these forms of speech, values of the Soviet political discourse fix high emotional pathos axiologically oriented against the common enemy. In person-centered discourse the pathos becomes a basis for the active use of these forms by the ordinary person. The person in this case realizes the intentions of not only the legitimation of the significant institutional content, raising the status of their own words, but also personal emotional sublimation. In contrast to the speech forms the Soviet political discourse uses to verbalize other politically relevant concepts, the analyzed speech forms are always used while maintaining the evaluation position of the source: political discourse dominates in shaping the personal position of the ordinary person on the verbal level.

Keywords: concept of the Great Patriotic War, Soviet political discourse, person-centered discourse, discourse picture of the world.

Современный дискурс-анализ рассматривает речевую деятельность человека как воплощение социально-речевого опыта, получение которого определено условиями его полидискурсивного существования. Выбор стратегии порождения текста в рамках указанной деятельности определяется, с одной стороны, индивидуальным опытом, представлениями «о реальных или вымышленных мирах, относительно которых мы уже обладаем большим количеством знаний и убеждений» (ван Дейк 1989: 51), с другой – знаниями о типах функционирующих в данном социуме в данный конкретно-исторический период дискурсов (ван Дейк).

Государственные институты создают институциональные дискурсы (о противопоставлении институциональных и личностно-ориентированных дискурсов – см. (Карасик 2002)), в практиках которых формируются и закрепляются особые речевые формы, отражающие их интерпретирующую позицию (*в соответствии с требованиями...*, *на основании вышесказанного...* и под. – в дискурсе документа, *выполнять план пятилетки, проводить политику партии* и под. – в советском политическом и политико-административном дискурсе и др.). Их производство находится в ведении агентов дискурса, вступающих в институционально заданной («профессиональной») позиции. Эти речевые формы усваиваются обыденным человеком, вступающим в институциональный дискурс в качестве его клиента в позиции, противопоставленной профессиональной, и используются им в личностно-ориентированных речевых практиках при адаптации содержания к условиям внеинституционального общения.

Институциональные дискурсы воспринимаются обыденным человеком как социально авторитетные. Но их социальный авторитет, поддерживаемый условиями государственного регулирования, является для обыденного человека внешним, а значит, в личностно-ориентированных дискурсивных практиках может быть воспринят им не только как истинный, но и как ложный. В результате институциональные речевые формы могут кардинально изменить свое содержание. Так, неоднозначное отношение обыденного человека к социальному авторитету политического дискурса проявляется в реализации концептов, связанных с различными историческими событиями (революция, коллективизация, внутренняя политика Сталина, индустриализация, застой, перестройка, современная ситуация в России и др.). В результате обнаруживается восприятие его внешнего социального авторитета и как истинного (*Колхозы возрождались, а были диверсанты. Это сыновья кулаков и богатеи на вредительстве перешли, жгли скирды, хлеба* (Слово 2005)), и как ложного (*...и в общем вся эта статья в таком духе, что весь Запад прогнал и что*

(ПАТЕТИЧЕСКИМ ТОНОМ) *Россия – это пятно чистое в мире грязи! <...> ...но вот возьмем этот же самый **гнилой Запад** / который гниет но пахнет прекрасно...* (Живая речь 1995)).

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом в личностно-ориентированных дискурсивных практиках обыденного человека используются речевые формы репрезентации концепта *Великая Отечественная война*, заданные в советском политическом дискурсе. Исследование выполнено на материале 476 текстов личностно-ориентированных дискурсов, в которых зафиксировано 687 речевых форм, созданных при репрезентации обозначенного концепта в советском политическом дискурсе. Для анализа их источника использовались материалы советской печати, политических документов советской эпохи, а также специальные издания трудов политических деятелей советской эпохи.

Специфика информационного содержания дискурсов, принципы их особой организации рассматриваются в целом ряде исследований (Чейф 1982; Дейк, Кинч 1988; Дейк 1989; Демьянков 2002; Макаров 2003; Ревзина 2005; Резанова 2007, 2011; Силантьев 2006 и др.).

Каждый дискурс по-особому организует и интерпретирует знания, в результате формируется дискурсивная картина мира – «часть языковой картины мира, воплощенная в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами» (Резанова 2011: 26).

Заданные в системе типовых социальных практик конфигурации смыслов закрепляются в картинах мира дискурсов определенного типа, отражая этническую и социокультурную специфику. В свою очередь, они становятся основанием для трансляции социально, функционально обусловленного речевого кода, преломляемого особым образом в конкретно-коммуникативной, интенционально ориентированной деятельности субъекта.

Ориентируясь на заданную Ш. Балли коммуникативную структуру высказывания, содержание дискурса, выраженное в его речевой форме, можно также представить в виде модусно-диктумной структуры, включающей логико-информационный компонент – **дискурсивный диктум** – и интенционально обусловленную оценочную позицию дискурса по отношению к нему – **дискурсивный модус**. Дискурсивный диктум не может существовать в отрыве от дискурсивного модуса. Модусное содержание дискурса – обязательная часть его содержательной структуры, дополняющая диктумное содержание уже в процессе его отбора дискурсом.

Специфика дискурсивного модусно ориентированного диктума проявляется в определенном «тематическом репертуаре» дискурса

(Дейк, Кинч 1988: 52), особом выдвигании отдельных концептов (тем), а также особой конфигурации концептов (тем), обладающих общекультурной и общей этнокультурной значимостью (Чейф 1982; Демьянков 2002; Резанова 2011 и др.).

Характер дискурсивной интерпретации действительности, определяемой социальными интересами и интересами конкретного субъекта, отражает дискурсивный модус, обуславливающий специфику дискурсивной картины мира в ценностном аспекте и существующий «в виде общего оценивающего тона дискурса» (Резанова 2011: 49).

Концепт *Великая Отечественная война* обладает для русской нации особой этнокультурной значимостью. Широкий спектр личностных и национально-патриотических чувств, связанных с отраженным в нем событием, является важнейшим ценностным элементом национальной идентичности. Ценностные модусы концептов такого типа заданы на наддискурсивном уровне, что определяет их особый статус. Как пишет А.А. Ворожбитова, «война стала таким испытанием для этноса, которое не могло не обусловить специфику глобального дискурсивно-текстообразующего процесса совокупной языковой личности этносоциума, не найти отражение в характере индивидуальной мыслеречевой деятельности» (Ворожбитова 2000: 21).

В лично-ориентированном общении высокий социальный и личностный статус таких концептов активно поддерживается. Особое – сакрализованное – отношение обыденного человека к их содержанию, выделенному на фоне повседневных тем, предполагает формирование субъектной установки на их особое выражение, что проявляется в стремлении повысить статус собственного речевого произведения. Продуцирование таких тем определяет повышенную эмоциональную заряженность общения, нарушающую его повседневные сценарии.

Личностно-ориентированные дискурсы не предлагают особых речевых форм, позволяющих повысить статус речевого произведения, поэтому для реализации данной интенции субъект лично-ориентированного общения активно использует речевые формы из дискурсов институциональных как социально авторитетных. Выбор авторитетного дискурса-источника осуществляется обыденным человеком на основании следующих требований к нему: 1) высокая степень информационно-стилистической проработанности концепта в этом источнике, выраженной в наличии специальных речевых форм; 2) наличие эмоционально-оценочной оформленности ценностной ориентации этих речевых форм, необходимой для лично-ориентированного представления данной темы; 3) максимальное совпадение ценностной позиции обыденного человека по отношению к содержанию данной темы с ценностной позицией источника.

Далеко не все институциональные дискурсы отвечают подобным требованиям. Так, дискурс документа если и образует особые речевые формы для репрезентации концепта *Великая Отечественная война* (*ветеран Великой Отечественной войны* – как особый социальный статус, *Орден Отечественной войны I и II степени* – как официальное наименование государственной награды и др.), то представляет их содержание эмоционально-оценочно-индифферентно, поэтому обращение к ним не отвечает потребности обыденного человека в выражении особого сакрализованного содержания.

Множество речевых форм, репрезентирующих концепт *Великая Отечественная война* как результат его идеологической дискурсивной ангажированности, продуцирует **советский политический дискурс**. И именно его речевые формы активно используются субъектом лично-ориентированного дискурса для развертывания рассматриваемой темы.

Активность использования речевых форм политического дискурса в лично-ориентированном общении определяется не только его внешним социальным авторитетом, но и его особой интенциональностью. Цель политического дискурса – борьба за власть (Кашкин 2000; Шейгал 2000; Карасик 2002 и др.), в процессе которой его участники должны «внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость “политически правильных” действий и/или оценок» (Демьянков 2002: 37), что определяет активную эксплуатацию эмоциональных потребностей обыденного человека. В продуцируемых речевых формах политический дискурс реализует не только собственно-информационный, но и эмоциональный код речевого представления концепта.

При этом, как показано выше, большинство концептов, модусная интерпретация которых в политическом дискурсе закрепились в особых речевых формах, не отличаются последовательностью сохранения модусов источника при использовании этих речевых форм в дискурсах лично-ориентированных.

Великая Отечественная война – единственное глобальное событие современной отечественной истории, риторическое представление которого официальным политическим дискурсом было органично и однозначно воспринято обыденным человеком и стало активно использоваться им в лично-ориентированном общении при сохранении модусов источника.

С одной стороны, неординарность данного события для обыденного человека требовала особой риторики, выделяющей его на фоне повседневности, и отработанные в повседневных дискурсах риторические модели этому требованию не отвечали, а советская политическая

риторика предлагала модели, основанные на особом эмоциональном пафосе, соответствующем глобальности события. С другой стороны, неоднозначность восприятия обыденным человеком политически ориентированных смыслов не распространялась на официальную трактовку Великой Отечественной войны. Многие исследователи советской культуры развивают идею Н.А. Бердяева о различии между «коммунальностью» (в основе которой – внешнее принуждение) и «соборностью» (исходящей из внутренних побуждений) (Бирюков, Сергеев 1995; Свешников 2004; Степин 2010 и др.). Потребность в реализации национальной «соборности», в объединении «снизу» в рассматриваемом случае выразилась в стремлении к национальному объединению против общего внешнего врага и стала основанием для гармоничного приятия обыденным человеком интерпретирующей позиции советского политического дискурса.

Отношение к событиям Великой Отечественной войны как к героико-мифологическому сюжету активно культивировалось на протяжении длительного послевоенного периода, не встречая дискурсивного сопротивления обыденного человека. Идеологическую ориентацию получали тексты различных художественных дискурсов (авторское песенное творчество, художественная литература, кинематограф и др.). Транслируемые через средства массовой информации воспоминания о войне подвергались все большей обработке в плане развития оценочного пафоса и унификации форм его представления. В качестве примера можно привести художественно обработанные тексты, созданные в различные периоды развития советской политической риторики, отраженной в них: *[Хор] Идём мы / товарищ / за правое дело / За честь и свободу свою! Твёрже шаг / Ряды держите строже / С нами Стаалин / С нами весь народ. Наглый враг Быть должен уничтожен / На врага! За Родину / вперёд! Борьба нелегка / озверелая свора Опасна в безумьи своё-ём. Все силы в кулак соберём для отпора / Всю волю свою соберём. Твёрже шаг / Ряды держите строже / С нами Стаалин / С нами весь народ. [Евгений Червяков и др. Боевой киносборник № 2, к/ф (1941)] (НКРЯ) (Национальный корпус русского языка 2015) // [Женя Комелькова, Ольга Остроумова, жен., 25, 1947] Тогда я одна пойду! [Рита Осянина, Ирина Шевчук, жен., 21, 1951] Боец Комелькова! Это тебе не казаки-разбойники / это война! [Федот Васков, Андрей Мартынов, муж., 27, 1945] За Родину! За Сталина! Вперёд! [Женя Комелькова, Ольга Остроумова, жен., 25, 1947] Слышишь? [Станислав Ростоцкий, Борис Васильев. А зори здесь тихие, к/ф (1972)] (НКРЯ).*

В силу совпадения позиции обыденного человека по отношению к военным событиям с официальной их трактовкой, «растворения»

советской политической риторики в художественно-поэтической текстовой среде рассматриваемые речевые формы стали активно использоваться в личностно-ориентированном общении как знаки «двойной» дискурсивной природы – политического и художественных дискурсов, отвечая субъектной интенции пафосного представления героических событий этого периода: *Када закончилась война, мы в то время жили, значить, продолжали жить в землянках, когда нам объявили, закончилась война. Мы соскочили со своих нар, мы обнимались, мы целовались, мы радовались со слезами, значит, на глазах. Так... И когда это всё такое произошло, нам в знак такого торжества мужчинам дали по сто грамм водки и пачку на двоих махорки, мужчинам. А нам, девушкам, дали по триста грамм конфетки «Голышики», и мы были очень рады* (НКРЯ).

Таким образом, тема Великой Отечественной войны – одна из очень немногих политически ангажированных тем, при трансляции которой стабилизированные в политическом дискурсе речевые формы не подвергаются аксиологической переориентации в речевых сферах обыденного человека.

В личностно-ориентированных дискурсах обращение обыденного человека к рассматриваемой теме всегда носит оценочно-ориентированный характер, демонстрирующий ее активное личностное осмысление. В абсолютном большинстве зарегистрированных фактов такого обращения эта оценка совпадает с официальной политической трактовкой (сохраняющейся независимо от смены политического режима, в отличие от аналитической трансформации трактовки событий Великой Отечественной войны другими институциональными дискурсами).

Оценочное развертывание данного концепта реализуется в личностно-ориентированных дискурсах в двух аспектах: 1) оценка влияния Великой Отечественной войны на личную жизнь автора текста, проявленная вне экспликации социальной значимости данного события; 2) оценка Великой Отечественной войны как события социально-исторического.

1. Тексты, **не эксплицирующие социальную значимость** данного события, в основном, представляют описание личной жизни их автора в тылу. Особой потребности привлекать речевые формы политического дискурса, стабилизированные в нем для развертывания рассматриваемой темы, говорящий не испытывает: *В войну хорошего я не видела. Ходили жали, молотили, я это уже говорила, потом перехватили нас и угнали в Сталинград. В Сталинграде... там я заболела, кипятила воду... около речки* (НКРЯ).

2. Если при развертывании рассматриваемого концепта говорящий **обращается к социальному аспекту** его содержания, у него возникает

потребность в эмоциональной сублимации патриотического пафоса, национального единения против общего врага, для удовлетворения которой он обращается за институциональной поддержкой к речевым формам политического дискурса как социально авторитетного: *Жизнь наша была заключена в том, чтобы работал дизель, который должен быть укапан в земле даже незаметен врагом, врагом. Вот така... э... там он совсем не виден. Вы его... Замаскированный так-ота... И когда... этим электричеством и двигалось всё такое, и все данные, и мы были обогреты и вот этим... этой машиной* (НКРЯ). В данном тексте представлен фрагмент воспоминаний ветерана о военных буднях. Социально-исторический аспект рассматриваемой темы не является ведущим в структуре его содержания, но он привлекается косвенно: в целях определения субъектом собственного места в военном процессе. Обращение к нему провоцирует развертывание концепта с использованием речевых форм, повышающих статус речевого произведения (*была заключена в том, чтобы* = «заключалась в том, чтобы», *данные*). Речевая форма *враг*, стабилизированная политическим дискурсом как номинация конкретного противника в конкретной войне, отвечает реализации этой интенции.

Чем активнее проявляется социальный аспект в развертывании рассматриваемого концепта, тем выше концентрация речевых форм политического дискурса: *При помощи страха-то / все-таки страх есть страх / он сумел все-таки мобилизовать народ-то наш на ведение войны / все-таки победили уж / если уж говорить про фашистов / так они почти всю Европу взяли / у них все отлажено было / не как у нас там колхозы с совхозами. Но все-таки при помощи страха мобилизовал людей на защиту родины-то / будем так говорить. Выстояли же / победили и опять же всю Европу прошли* (НКРЯ).

Тексты, использующие рассматриваемые речевые формы, различаются в уровне выдвижения идеологически-ориентированного эмоционально-оценочного модуса в зависимости от характера говорящего субъекта, рассуждающего о войне (2.1) как о социально значимом событии собственной биографии (представители поколения, пережившего войну) либо (2.2) как о социально значимом событии истории своей страны (представители поколения, не заставшего войну).

2.1. В текстах, субъектами которых являются представители **военного поколения**, в силу их погруженности в политическую риторику ее описания этот модус проявляет значительно меньшую активность. Использование рассматриваемых речевых форм, в первую очередь, регулируется интенцией передачи социально значимого содержания с позиции политической корректности как составляющей интенции повышения статуса собственного речевого произведения. В результате их оценочный модус, заложенный источником, сохраняется, но, в

отличие от источника, подвергается эмоциональной нейтрализации. С одной стороны, в этом проявляется максимально органичное, неаналитическое принятие политической позиции, а с другой – установка на соблюдение «политической грамотности» при трансляции особой информации, выделенной на фоне повседневности: *И они там жили, уже трое детей у ней стало. А муж погиб в армии (как мне он дядей доводится), на фронте Великой Отечественной войны* (Русская деревня 2009) // *Не давали ничего. Хлеб, который вырастет – на государство сдавали. Всё сдавали. Тоже надо было подддерживать и фронт, и всё ведь* (НКРЯ) // *А они поднимаются вверх и, как гуси, этим стаем, и летят эти снаряды, да и сразу траекторию делать, и там уже знают наши, где немцы* (НКРЯ).

Органичность усвоения советской политической риторики, реализующей концепт *Великая Отечественная война*, приводит к тому, что в речи субъектов рассматриваемого типа регулярно проявляются практически точные цитаты из политически ангажированных текстов, причем вне экспликации говорящим их цитатного статуса (практически вне выдвигания политически значимого содержания). Так, в речевых практиках личностно-ориентированного общения активно используются тексты политических лозунгов военного времени, например лозунга «Все для фронта! Все для победы!» (Все для фронта 1985) [*Респондент, жен., 83*] *Мы люди были такие – все для фронта, мы не жалели. Надо на фронт – мы все отдадим. И весь народ был такой. В блокаду все делали – работали, на операции шли на передовые* (НКРЯ)), как точные, так и перефразированные фрагменты текста выступления И.В. Сталина о начале Великой Отечественной войны (Сталин 1950) (...*Началась Великая Отечественная война, вероломно напал на нас... ну, Германия и Гитлер. Ну, и мы на этом, значить... наше всё кончилось, и учёба прекратилась наша* (НКРЯ)), текста выступления по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел В.М. Молотова (Молотов 1941) (*Ну и так проучилась я, вот, наверное, с декабря сорокового года и до июня, двадцать второго июня сорок первого года. Без объявления начала войну Германия. Утром мы просыпаемся все в переполохе: объявили войну. Ну, как мы понимали тогда «война»? Мы думали, что наша страна такая сильная и народ такой сильный, организованный. Ну что, нас оповещали по радио и дирекция – все говорили, что врах будет изгнан из страны, врах будет разбит. Настроение поддерживали, хотя все были очень настроены, ну, ужасно было страшно, что это такое. Но верили в то, что врах будет разбит* (НКРЯ)) и др.

Если личностно-ориентированное общение приобретает для говорящего внешние признаки коммуникативного дискомфорта

(например, в рамках вынужденного взаимодействия с незнакомым речевым партнером), то рассматриваемые речевые формы становятся легитимной опорой предъявления не только информативного, но и эмоционального кода. Повышенную активность в этом случае демонстрируют особые идиоматичные выражения, разработанные манипулятивной политической риторикой военного времени, концентрированно реализующие модус идеологического пафоса (*до последней капли крови; погибать, но защищать нашу родину; у развернутого Красного Знамени* и под.). Такие выражения при развертывании темы Великой Отечественной войны используются значительно чаще, чем при развертывании других политически ангажированных тем: *Ну, и ещё что... Принимали мы присягу на верность Родине, Советскому Союзу служить, так, и мы все клялись, девушки, вплоть до того, что погибать, но защищать нашу Родину, и клялись мы у развёрнутого Красного Знамени, так. Ещё что... Я была – это был третий Белорусский фронт, так, которым командовал Черняховский Иван... а отчество забыла (НКРЯ) // Мне вынесли благодарность за бдительную... [Присутствующая при разговоре женщина]: Службу... Службу и вахту на посту, вот (НКРЯ).*

2.2. В текстах, субъектами которых являются представители **поколения, не заставшего войну**, идеологически ориентированный эмоционально нагруженный оценочный модус последовательно выдвигается говорящим, использующим политическую риторику описания Великой Отечественной войны с внешней личностной и социально-исторической позиции.

Тип субъекта предполагает развертывание концепта исключительно в социально-историческом аспекте. Советская политическая риторика военного времени для субъекта такого типа – исключительно внешняя, что определяет особое использование рассматриваемых речевых форм.

Любые виды деятельности человека эпохи войны предъявляются как образцы идеального / антиидеального человеческого поведения – Великая Отечественная война в таких текстах мифологизируется, и рассматриваемые речевые формы советского политического дискурса участвуют в реализации этого мифологического оценочного кода: *В экстремальных ситуациях мысль работает очень целенаправленно. Поэтому такие изобретения / как выйти. Человек же всегда изворачивается. И вот во время войны все эти открытия / когда всё для фронта / всё для победы / поэтому и были такие всплески (НКРЯ).*

Рассматриваемые речевые формы маркируют оценочные полюсы при характеристике современной действительности: дифференциацию социально индифферентных и социально активных (*Не бояться неудач. Они будут в любом случае / и истории успеха Абрамовича и*

Рокфеллера полны ими. Важно не то / получилось что-то или нет / а то / какой вывод ты из этого сделал / и каково твое эмоциональное состояние. Из истории мы помним / что / чтобы победить в Великой Отечественной войне / Красной армии пришлось первые два года отступать и обороняться / но она никогда не теряла мысли о том / что однажды / когда станет опытнее и сильнее / пойдет в наступление и дойдет до Берлина. Из этого примера вытекает и второй важный / как мне кажется / закон успеха / всегда поднимайте перед собой планку / подгоняйте себя вперед / если потребуется (НКРЯ), состояние общества при наличии национальной идеи и при ее отсутствии ([№ 7, жен., 28] А сейчас / не дай бог / случилась бы такая война / не знаю / выиграли бы мы ее или нет? [№ 1, жен., 58] Ни в коем случае. [№ 7, жен., 28] Тогда все шли от мала до велика / за Родину / на фронт. [№ 8, жен., 34] Все упирается в национальную идею. [№ 7, жен., 28] А сейчас половина посдадутся и не пойдут никуда. [№ 3, муж., 43] Перейдут на сторону врага (НКРЯ) и др. Максимальной частотностью экспликации обладает категория патриотизма, представляемого как особое качество поколения, пережившего войну: [1, жен., 45] Ну / в общем- то / да / за Сталина любой шёл насмерть. [0] На какой идеологии основано это? [4, муж., 36] Родины своей. [1, жен., 45] За Сталина шли. Как они шли / за Сталина / как шли. [4, муж., 36] И за родину / наверное. [1, жен., 45] Да / за родину / за Сталина / да. (НКРЯ) // Вообще всё забыли. Беспринципное поколение растет. Именно / многие могут не согласиться с тем / но то поколение / которое защищало / именно у них была какая-то идеология и принципы. Они же защищали Родину / которая была Родиной! Сейчас же взять / такого уже не повторится никогда / девятого мая не будет! (НКРЯ).

Внешний для представителя невоенного поколения характер советской политической риторики военного времени определяет активность продуцирования рефлексии по отношению к рассматриваемым речевым формам. Часто эти речевые формы предстают как цитаты (особенно при аналитическом отношении говорящего к социальному авторитету источника). Сохраняя модус источника, они отражают результат осознанной дистанцированности говорящего от него, маркируя либо объект «несогласия» (УКПРФ / наверняка / поколение чуть постарше меня даже. За КПРФ 70-80 % пойдут / потому что на этом они и жили / на коммунистах. Ну / не за Родину / за Сталина / нет конечно. Но все равно старое поколение / КПРФ вывезет... (НКРЯ)), либо «неправильное» отношение к объекту «согласия» ([№ 5, жен., 20] Я еще хотела сказать / что очень было странно и неправильно после того / как развалился союз / вскрывались все эти вещи / про Ленина / Про Сталина. [№ 6, муж., 29] То есть охаяли. [№ 5, жен.,

20] *То есть резко все вынесли все эмоции и найти виноватых / как это всегда делается в России / это не совсем правильно. С большого плюса / с лозунгов / за Ленина / за Сталина / умрем за Родину резко перейти к тому / что все большие дураки. [№ 6, муж., 29] Выбили у людей почву. [№ 5, жен., 20] Почву / не почву / просто это неправильно. Чисто исторически прыгать из плюса к минусу и закинуть в сейф / то есть мы нашли виноватого (НКРЯ)).* В приведенных текстах говорящий использует цитаты в собственно-информативной функции, но обозначает их заданную источником эмоциональную значимость в логико-информационном аспекте (*не за Родину / за Сталина / нет конечно; резко все вынесли все эмоции; с большого плюса; из плюса; все большие дураки; к минусу*), показывая, что с позицией источника он не согласен.

Итак, концепт *Великая Отечественная война* обладает наддискурсивной значимостью, которая активно эксплуатируется советским политическим дискурсом и фиксируется в его речевых формах. В лично-ориентированном общении при развертывании темы Великой Отечественной войны в социальном аспекте эти речевые формы активно используются обыденным человеком при сохранении оценочного модуса источника, наряду с другими средствами обеспечивая реализацию установки на повышение статуса речевого произведения.

Если субъектом лично-ориентированного дискурса, в котором формируется текст с использованием рассматриваемых речевых форм, является представитель военного поколения, эмоциональный модус источника реагирует на наличие / отсутствие внешних факторов дискомфорта общения. При отсутствии данных факторов этот модус стремится к нейтрализации, оценочный модус источника при этом сохраняется и присваивается обыденным человеком как индивидуально-личностный, обеспечивая развертывание концепта одновременно с позиции политической корректности и личностной значимости, выделяя тему Великой Отечественной войны на фоне повседневных тем. При наличии обозначенных факторов эмоциональный модус источника обеспечивает выдвижение оценочного модуса, активизируется установка на реализацию легитимности представления темы с позиции социально авторитетного дискурса.

Если субъектом является представитель поколения, не заставшего войну, при использовании речевых форм политического дискурса сохраняется и даже интенсифицируется как оценочный, так и эмоциональный модус источника, реализуя установку на мифологизацию войны. При передаче аналитического отношения к заложенному политическим дискурсом смыслу рассматриваемые речевые формы

часто получают цитатное оформление. При этом оценочный модус источника сохраняется, а цитаты становятся точкой отсчета при реализации установки на демифологизацию войны.

ЛИТЕРАТУРА

Бирюков, Сергеев 1995 - *Бирюков Н.М., Сергеев В.М.* Демократия и соборность: представительная власть в традиционной русской и советской политической культуре // *Общественные науки и современность*. 1995. № 6. С. 53-68.

Ворожбитова 2012 - *Ворожбитова А.А.* Официальный дискурсивный фон исторического этапа Великой Отечественной войны: экспрессия Победы в лингвориторике «Правды» 1941-1945 гг. // *Былые годы*. 2012. № 3 (25). С. 76-81.

Все для фронта 1985 - Все для фронта! Все для победы! // *Великая Отечественная война 1941-1945: энциклопедия* / Гл. ред. М.М. Козлов. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 184.

Дейк 1989 - *Дейк Т.А. ван* Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

Дейк, Кинч 1988 - *Дейк Т.А. ван, Кинч В.* Стратегии понимания связанного текста // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153-211.

Демьянков 2002 - *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // *Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования*. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32-43.

Живая речь 1995 - *Живая речь уральского города*. Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.

Карасик 2002 - *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Кашкин 2000 - *Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации. Воронеж: ВГТУ, 2000. 175 с.

Макаров 2003 - *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Молотов 1941 - *Молотов В.М.* Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В.М. Молотова // *Правда*. 1941. 23 июня. С. 1.

Национальный корпус русского языка 2015 - *Национальный корпус русского языка* / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2015. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.05.2015).

Ревзина 2005 - *Ревзина О.Г.* Дискурс и дискурсивные формации // *Критика и семиотика*. 2005. Вып. 8. С. 66-78.

Резанова 2007 - *Резанова З.И.* Методологическая интеграция в процессе дискурс-анализа: анализ дискурсивной картины мира // *Сибирский филологический журнал*. 2007. № 3. С. 96-105.

Резанова 2011 - Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / Ред. З.И. Резанова. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 15-84.

Русская деревня 2009 - Русская деревня в рассказах ее жителей / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Аст-ПРЕСС, 2009. 512 с.

Свешников 2004 - Свешников Б.Н. Духовная культура России: Конспект лекций. М.: РГОТУПС, 2004. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Svesh/index.php (дата обращения: 10.01.2011).

Силантьев 2006 - Силантьев И.В. Газета и роман: Риторика дискурсивных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006. 224 с.

Слово 2005 - Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. Благовещенск: АмГУ, 2005. 441 с.

Сталин 1950 - Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. URL: <http://www.oldgazette.ru/lib/stalin/index.html> (дата обращения: 26.09.2014).

Степин 2010 - Степин В.С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 16-28.

Чейф 1982 - Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 277-316.

Шейгал 2000 - Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2000. 440 с.

REFERENCES

Biryukov, N.M. & Sergeev, V.M. (1995) *Demokratiya i Sobornost': predstavitel'naya vlast' v traditsionnoy russkoy i sovetskoy politicheskoy kul'ture* [Democracy and Sobornost: the representative power in the traditional Russian and Soviet political culture]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 6 [In Russian].

Vorozhbitova, A.A. (2012) *Ofitsial'nyy diskursivnyy fon istoricheskogo etapa Velikoy Otechestvennoy voyny: ekspressiya Pobedy v lingvitorike "Pravdy" 1941-1945 gg.* [The official discourse background of the Great Patriotic War: The Victory in the linguistic rhetoric of "Pravda", 1941–1945.]. *Bylye gody – Foretime. Russian Historical Magazine*. 3 (25) [In Russian].

Kozlov, M.M. (ed.) (1985) *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941-1945* [The Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya [In Russian].

Dijk, T.A. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English by M. Dmitrovskaya. Moscow: Progress. [In Russian].

Dijk, T.A. & Kinch, V. (1988) *Strategii ponimaniya svyazannogo teksta* [Strategies for understanding a textual unity]. In: Petrova, V.V. & Gerasomova, V.I. (eds.)

Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka [New in foreign linguistics. Cognitive aspects of the language]. Moscow: Progress [In Russian].

Dem'yankov, V.Z. (2002) Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as an object of political science]. *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennyye issledovaniya*. 3 [In Russian].

Matveeva, T.V. (ed.) (1995) *Zhivaya rech' ural'skogo goroda* [The live speech of the Urals city]. Ekaterinburg: Urals State University [In Russian].

Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The language circle. Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena [In Russian].

Kashkin, V.B. (2000) *Vvedenie v teoriyu kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Communication]. Voronezh: VGTU [In Russian].

Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the discourse theory]. Moscow: Gnozis [In Russian].

Molotov, V.M. (1941) *Vystupenie po radio Zamestitelya Predsedatelya Soveta Narodnykh Komissarov Soyuza SSR i Narodnogo Komissara Inostrannykh Del tov. V.M. Molotova* [The Radio Speech of the Deputy Chairman of the Board of the USSR People's Commissars and the People's Co-Commissioner of Foreign Affairs Comrade VM Molotov]. *Pravda*. June 23rd [In Russian].

Russian National Corpus. (2015) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian language] [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 12th May 2015) [In Russian].

Revzina, O.G. (2005) *Diskurs i diskursivnye formatsii* [The discourse and discursive formations]. *Kritika i semiotika*. 2005. 8 [In Russian].

Rezanova, Z.I. (2007) *Metodologicheskaya integratsiya v protsesse diskurs-analiza: analiz diskursivnoy kartiny mira* [Methodological integration in the discourse analysis: the analysis of the discursive world picture]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3 [In Russian].

Rezanova, Z.I. (2011) *Diskursivnye kartiny mira* [The discursive world pictures]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: contemporary media discourse]. Tomsk: ID SK-S. [In Russian].

Kasatkin, L.L. (2009) *Russkaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [The Russian village in the stories of its inhabitants]. Moscow: Ast-PRESS [In Russian].

Sveshnikov, B.N. (2004) *Dukhovnaya kul'tura Rossii* [The Russian Spiritual Culture]. Moscow: RGOTUPS [Online]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Svesh/index.php (Accessed: 10th January 2011) [In Russian].

Silant'ev, I.V. (2006) *Gazeta i roman: Ritorika diskursivnykh smesheniy* [The newspaper and the novel. The rhetoric of discursive combinations]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury [In Russian].

Oglezneva, E.A. & Arkhipova, N.G. (eds.) (2005) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh. Materialy nauchnykh ekspeditsiy. Vyp. 2. Rechevye portrety. Rechevye zhanry. Slovar' Yazyk fol'klora* [The word: A Folklore Dialectological Almanac. Proc. of research expeditions. Vol. 2. Speech portraits. Speech genres. Dictionary. Language folklore]. Blagoveshchensk: AmGU [In Russian].

Stalin, I.V. (1950) *O Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuz* [On the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Moscow: State Publishing House of Political L [Online]. Available from: <http://www.oldgazette.ru/lib/stalin/index.html> [Accessed: 26th September 2014] [In Russian].

Stepin, V.S. (2010) *Tsennost' prava i problemy formirovaniya pravovogo obshchestva v Rossii* [The value of the rights and problems of formation of a lawful society in Russia]. In: Zakharov, A.V. & Barenboym, P. (ed.) *Filosofiya prava v nachale XXI stoletiya cherez prizmu konstitutsionalizma i konstitutsionnoy ekonomiki* [The philosophy of law at the beginning of the 21st century through the lens of constitutionalism and constitutional economics]. Moscow: Letnyy Sad [In Russian].

Chafe, W. (1982) *Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashchee, topiki i tochka zreniya* [The datum, contrastivity, certainty, subject, topics and a view]. Translated from English by N.E. Laufer. In: Kibrik, A.E. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XI. Sovremennye sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike* [New in foreign linguistics. Vol. XI. Contemporary syntactic theories in American linguistics]. Moscow: Progress [In Russian].

Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [The semiotics of political discourse]. Philology Doc. Diss. Volgograd [In Russian].

Тубалова Инна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Tubalova Inna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology Department of National Research Tomsk State University.

E-mail: tina09@inbox.ru